

ДЕМО-ВЕРСИЯ · БЕСПЛАТНО

Exambooster

Прикладной анализ международных проблем: вступительный экзамен в аспирантуру — пробный вопрос

Один полный разбор из перечня вашего экзамена — посмотрите формат перед покупкой: тезисный конспект, развёрнутый ответ с опорой на первоисточники и указание, из каких работ взят каждый тезис. В полном пособии — 40 вопросов перечня кафедры прикладного анализа международных проблем для испытания «вступительное испытание в аспирантуру».

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ

Аспирантура МГИМО · 5.5.4 «Международные отношения, глобальные и региональные исследования», кафедра прикладного анализа международных проблем

ПРОГРАММА

вступительное испытание в аспирантуру

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОБЛЕМ · ВОПРОС Р05 · ДЕМО

Фундаментализм, экстремизм и терроризм в международных отношениях XXI в.

■ Три понятия — не синонимы

- фундаментализм — возврат к «чистым» первоосновам вероучения, может быть мирным;
- экстремизм — идеология, допускающая крайние методы ради целей;
- терроризм — тактика насилия против мирного населения ради устрашения.

■ Проблема определения

- универсальной конвенции ООН о терроризме нет — 16 универсальных и 14 региональных актов по частным составам;
- первое рабочее определение — резолюция ГА ООН 49/60 (1994);
- камень преткновения — «терроризм vs борьба за самоопределение» (ХАМАС признан террористом Израилем/США/ЕС, но не РФ и КНР).

■ От «Аль-Каиды» к ИГИЛ и далее

- «Аль-Каида» — сеть типа SPIN, создана 1988 г.;
- ДАИШ выросло из иракской «Аль-Каиды» (2013–2014), халифат — июнь 2014, разгромлен к 2019 г.;
- «Вилаят Хорасан» — теракт в «Крокус Сити Холле» 22.03.2024 (149 погибших, 15 пожизненных — март 2026);
- GTI-2026 (данные за 2025 г.): ИГИЛ смертоноснейшая, жертв меньше, чем в 2024 г.; центр — Сахель, Пакистан впервые №1 рейтинга.

■ Антитеррористическое сотрудничество

- СБ ООН: резолюции 1267 (1999), 1373 (2001, обязательна для всех), 1540 (2004, ОМУ), 2178 (2014, боевики);
- ФАТФ — стандарт борьбы с финансированием терроризма, членство РФ приостановлено с 24.02.2023;
- ШОС/РАТС (2002) — банк данных о террористах, учения;
- БРИКС (Казань-2024, Рио-2025) — осуждение терроризма вне зависимости от мотивов.

■ Правый/левый экстремизм, радикализация онлайн

- левый терроризм XX в. — «Красные бригады», РАФ; правый — неонацистские сети;
- в США с 2001 г. от правого терроризма погибло больше, чем от исламистского;
- вербовка — сетевые структуры без личного контакта с лидером, через соцсети.

■ Статус на 2026 г.

- «Талибан» — ВС РФ 17.04.2025 приостановил запрет, движение исключено из перечня (обратимо);
- ИГИЛ*, «Аль-Каида» — *по-прежнему запрещены в РФ* (— террористические, запрещённые в РФ).

■ РАЗВЁРНУТЫЙ ОТВЕТ

■ Три понятия, которые путают в бытовой речи

Фундаментализм, экстремизм и терроризм часто подаются как синонимы, но описывают разные вещи, и их разведение — отправная точка любого академического анализа темы. Фундаментализм — это идейное течение, ориентированное на возврат к «чистым», буквально понимаемым первоосновам вероучения; применительно к исламу это означает отказ от позднейших наслоений и толкований в пользу практики времён пророка Мухаммеда и первых поколений мусульман. Фундаментализм сам по себе не обязательно насильственен: подавляющее большинство фундаменталистских течений — от евангелических общин в США до салафитских проповеднических групп — действуют мирными методами, через проповедь, образование и политическое участие.

Экстремизм — следующая ступень: это политическая идеология, которая допускает использование любых, в том числе крайних, методов ради достижения формально провозглашаемых целей. Религиозный экстремизм в этом смысле определяется как течение, готовое применить насилие для восстановления утраченного в ходе секуляризации союза религии и государства. Экстремизм может опираться на фундаменталистскую религиозную базу, а может быть светским — националистическим, расовым, идеологическим (левым или правым).

Терроризм, в свою очередь, — не идеология, а тактика: систематическое использование насилия против гражданского населения или гражданских

объектов с целью создания атмосферы страха и принуждения политического противника к уступкам. Одна и та же организация может пройти путь от фундаменталистской проповеди к политическому экстремизму и далее к террористическим методам, но это не автоматический переход, а результат конкретных решений конкретных групп в конкретных обстоятельствах. Показательный пример разведения понятий — ХАМАС: движение прошло путь от религиозно-благотворительного объединения (1973) через создание вооружённого крыла и интифады к установлению квазигосударственной власти в Газе с 2006 г., оставаясь фундаменталистским по идеологии, но с террористическими методами лишь в части своей деятельности — отсюда и разное признание его террористической организацией разными странами.

■ Почему нет единого международно-правового определения терроризма

Одна из ключевых проблем современного международного права — отсутствие универсальной конвенции, дающей юридически обязательное определение терроризма. Вместо неё существует тридцать «антитеррористических» договоров, протоколов и поправок — шестнадцать универсальных и четырнадцать региональных, — каждый из которых регулирует лишь отдельный состав: захват заложников, угон воздушных судов, бомбовый терроризм, финансирование терроризма. Первое консенсусное, хотя и юридически не обязывающее, рабочее определение появилось только в 1994 г. в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 49/60: террористическими признаются преступные акты, направленные на создание обстановки террора среди широкой общественности в политических целях, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы.

Главная причина буксующих переговоров о всеобъемлющей конвенции — неразрешимое противоречие между двумя рамками оценки одних и тех же действий. Одни и те же акты насилия одна сторона квалифицирует как терроризм, а другая — как законную борьбу народов за самоопределение против оккупации или колониального господства. Это противоречие видно на примере признания ХАМАС: террористической организацией его считают Израиль (с 1989 г.), США, Канада и Евросоюз, тогда как Россия, Китай, Иран и большинство стран Организации исламского сотрудничества отказываются от такой квалификации. Похожая логика применяется к любым национально-освободительным движениям, использующим насилие, — от ИРА и басков в Европе до палестинских организаций на Ближнем Востоке. Пока государства не согласуют универсальный критерий разграничения терроризма и вооружённого сопротивления, всеобъемлющая конвенция ООН остаётся недостижимой, и международное сообщество продолжает действовать через частные, предметно ограниченные договоры.

■ От «Аль-Каиды» к «Исламскому государству»

Эволюция крупнейших джихадистских структур конца XX — начала XXI в. хорошо иллюстрирует, как фундаменталистская идеология переходит в организованный транснациональный терроризм. «Аль-Каида» сложилась в конце

1980-х гг. вокруг Усамы бен Ладена и когорты «афганских арабов» — ветеранов войны против советского контингента в Афганистане, объединённых убеждённости в «уже одержанной победе над сверхдержавой». В 1988 г. была создана собственно «Аль-Каида», в 1998 г. — «Всемирный исламский фронт борьбы с иудеями и христианами». Организационно «Аль-Каида» описывается исследователями как сеть типа SPIN — сегментированная, полицентричная, идеологически интегрированная структура без сквозной иерархии, где «центр» существует лишь идейно, а десятки формально самостоятельных ячеек (от «Исламского джихада» в Египте до «Джемаат исламия» в Индонезии) объединены общей идеологией, а не личным подчинением лидеру.

Атаки 11 сентября 2001 г. и последовавшая американская «война с террором» ослабили «Аль-Каиду» организационно, но не устранили условия для появления новых структур. «Исламское государство Ирака и Леванта» (ДАИШ) выросло из иракской ветви «Аль-Каиды» на фоне послевоенной маргинализации суннитов в Ираке — роспуска армии Саддама Хусейна и партии Баас после вторжения США 2003 г. В июне 2014 г., после захвата Мосула и ряда других городов, ДАИШ провозгласило создание халифата на территории Ирака и Сирии; к концу 2014 г. в его рядах насчитывалось около восьмидесяти тысяч бойцов, включая порядка тридцати тысяч иностранцев. Международная коалиция, Россия (с осени 2015 г. — по соглашению с Дамаском) и региональные силы нанесли организации военное поражение: Владимир Путин объявил о разгроме ИГ в Сирии 5 декабря 2017 г., а коалиция при поддержке США — об освобождении последнего оплота в Багузе 23 марта 2019 г.

Территориальное поражение не означало исчезновения угрозы: ДАИШ распалось на сеть региональных филиалов — «Вилаят Синай», «Вилаят Хорасан» в Афганистане, ответвления в Ливии, Западной Африке и в зоне Большой Сахары. Именно афганский филиал «Вилаят Хорасан» взял на себя ответственность за один из крупнейших терактов на территории России в XXI в. — нападение на концертный зал «Крокус Сити Холл» 22 марта 2024 г., в результате которого погибли 149 человек. В марте 2026 г. Второй Западный окружной военный суд приговорил пятнадцать из девятнадцати обвиняемых, включая четверых непосредственных исполнителей, к пожизненному лишению свободы. По данным годового доклада Global Terrorism Index за 2026 г. (данные за 2025 г.), ИГИЛ по-прежнему остаётся самой смертоносной террористической организацией в мире — число жертв группировки за год снизилось (в 2024 г., по предыдущему выпуску индекса, на неё приходилось 1805 жертв), а сама организация действовала уже в 15 странах против 22 годом ранее; при этом географический центр глобального терроризма за последнее десятилетие сместился из Ближнего Востока в регион Африканского Сахеля, на который в 2025 г. пришлось более половины всех террористических жертв планеты, а в общем рейтинге стран по уровню террористической угрозы Пакистан впервые возглавил список.

■ Международное антитеррористическое сотрудничество

Институциональный ответ международного сообщества на терроризм строится на нескольких взаимодополняющих уровнях. Ключевую нормативную роль играет Совет Безопасности ООН, чьи резолюции — в отличие от общих конвенций — обязательны для исполнения всеми государствами-членами. Резолюция 1267 (1999) ввела первые санкции против движения «Талибан» за отказ выдать Усаму бен Ладена (само движение было признано террористическим и запрещено в России в 2003 г., но 17 апреля 2025 г. Верховный суд РФ по иску Генеральной прокуратуры приостановил запрет на его деятельность в стране и исключил «Талибан» из перечня террористических организаций — на фоне признания движения фактической властью в Афганистане; решение обратимо, если движение возобновит террористическую деятельность); резолюция 1373, принятая сразу после 11 сентября 2001 г., впервые сделала антитеррористические обязательства юридически обязательными для всех членов ООН и учредила Контртеррористический комитет; резолюция 1540 (2004) закрыла брешь в режиме нераспространения оружия массового уничтожения применительно к негосударственным акторам; резолюция 2178 (2014) впервые системно урегулировала проблему иностранных боевиков-террористов, ставшую особенно острой на фоне притока добровольцев в ряды ДАИШ.

Отдельный контур сотрудничества связан с перекрытием финансовых потоков терроризма — этим занимается специализированная межправительственная Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, известная по английской аббревиатуре ФАТФ (FATF). Организация вырабатывает обязательные для стран-участниц стандарты противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма и ведёт «серые» и «чёрные» списки юрисдикций с недостаточным контролем. Членство России в ФАТФ было приостановлено 24 февраля 2023 г. на фоне общего санкционного давления, что не отменяет действие внутрироссийского законодательства о противодействии финансированию терроризма, но ограничивает участие страны в выработке общих стандартов организации.

На региональном уровне, значимом для российской и центральноазиатской повестки, действует Региональная антитеррористическая структура (РАТС) Шанхайской организации сотрудничества — постоянный орган, созданный в 2002 г. в Санкт-Петербурге. РАТС формирует общий банк данных о террористических, сепаратистских и экстремистских организациях и лицах, координирует практические антитеррористические мероприятия и учения государств — участников ШОС, работая на стыке борьбы с терроризмом, сепаратизмом и религиозным экстремизмом, что отражает специфику центральноазиатских угроз — прежде всего отток радикализованных трудовых мигрантов в зоны конфликта на Ближнем Востоке. Отдельную площадку координации представляет БРИКС: Казанская декларация 2024 г. и декларация Рио 2025 г. фиксируют безоговорочное осуждение терроризма вне зависимости от мотивов, требование не увязывать терроризм с какой-либо религией или

этнической группой и институциональную рабочую группу БРИКС по антитеррору с пятью тематическими подгруппами.

■ Правый и левый экстремизм: не только исламистская угроза

Хотя в публичном дискурсе терроризм XXI в. чаще всего ассоциируется с исламистскими группировками, идеологический спектр экстремизма значительно шире. Классификация по идейно-политической установке традиционно выделяет правый терроризм (фашистская и неонацистская идеология), левый терроризм (троцкистские, маоистские и анархистские концепции — классические примеры: западногерманская «Фракция Красной Армии» и итальянские «Красные бригады» 1970–1980-х гг.), националистический терроризм (Ирландская республиканская армия, баскская ЭТА) и религиозный терроризм. Правый экстремизм в последние годы демонстрирует заметный рост влияния в западных обществах: по статистике внутренних угроз в США, начиная с терактов 11 сентября 2001 г. от праворадикального насилия внутри страны погибло больше людей, чем от исламистского терроризма, а в Европе праворадикальный терроризм направлен против мигрантов, беженцев и левых активистов и характеризуется националистической, ксенофобской и антиисламской мотивацией.

Фактор, объединяющий современные формы радикализации независимо от идеологической окраски, — переход от иерархических закрытых организаций к децентрализованным сетевым структурам, вдохновляемым общей идеологией, а не личным контактом с харизматичным лидером. Этот сдвиг напрямую связан с распространением интернета и социальных сетей: пропаганда и вербовка всё чаще строятся не на прямой теологической аргументации, а на простых эмоциональных нарративах солидарности и «угрозы общине», распространяемых через цифровые каналы и доступных диаспорным и мигрантским сообществам в отрыве от их стран происхождения. Российская и союзная (в частности, в рамках проектов международной информационной безопасности) позиция настаивает на необходимости международного регулирования использования информационно-коммуникационных технологий в террористических и экстремистских целях, тогда как западные партнёры традиционно делают акцент на балансе между безопасностью и защитой гражданских свобод в цифровом пространстве — это два разных, не сводимых друг к другу подхода, а не универсальный консенсус.

■ Итоги и значение

Разграничение фундаментализма, экстремизма и терроризма важно не только терминологически, но и практически: политика, направленная на подавление религиозного возрождения как такового, рискует радикализировать умеренное большинство верующих, тогда как избирательная работа с конкретными насильственными структурами и их идеологическим обоснованием — такфиром, доктриной джихада меч, культом такфиристского насилия — даёт больше шансов на успех. Опыт первых двух десятилетий XXI в. показал, что военное поражение конкретной организации, как это произошло с территориальным

халифатом ДАИШ в 2017–2019 гг., не устраняет саму модель транснационального сетевого терроризма: она воспроизводится в новых регионах, включая Африканский Сахель, ставший к середине 2020-х гг. новым глобальным эпицентром террористической активности. Одновременно очевидна многослойность феномена: помимо религиозно мотивированного, в мировой политике заметны правый и левый идеологический терроризм, а общей чертой всех современных форм остаётся использование цифровых технологий для вербовки и пропаганды. Институциональный ответ международного сообщества — резолюции Совета Безопасности ООН, финансовый контроль через ФАТФ, региональная координация через РАТС ШОС и площадки БРИКС — остаётся фрагментированным именно потому, что государства расходятся в самом определении терроризма и в оценке конкретных организаций, что делает тему открытой для дальнейшего международно-правового и политического урегулирования.

EXAMBOOSTER

Понравился формат? Заберите полное пособие

В полном издании «Прикладной анализ международных проблем: вступительный экзамен в аспирантуру» — 40 вопросов перечня кафедры прикладного анализа международных проблем для испытания «вступительное испытание в аспирантуру» в таком же формате + доступ в закрытый Telegram-канал, где каждый вопрос перечня — отдельный пост с навигацией.

Купить magistratura.exambooster.ru/materialy

Telegram-канал [@mgimo_exambooster](https://t.me/mgimo_exambooster)

Телефон +7 (925) 886-41-35

E-mail info@exambooster.ru

**Цена — 8000 ₽, разовый платёж:
пособие в PDF + закрытый канал.**

Дмитрий Санько — основатель Exambooster, выпускник МГИМО (МЭО, 2010) и Ryerson University, ex-преподаватель МГИМО. · ИП Санько Дмитрий Сергеевич, ИНН 772854182473.